
Евгений Отставнов
ЖЕРЛО
Том первый

Евгений Отставнов

Жерло. Том первый

«Автор»
2026

Отставнов Е.

Жерло. Том первый / Е. Отставнов — «Автор», 2026

Что делать, если ты — обычный ребенок из средневековых трущоб, сирота, потерявший всё?Один миг — и ты оказываешься в мире, полном жара и пепла. В том самом аду, о котором пастор рассказывал дрожащим голосом на воскресной проповеди. Здесь реки сочатся лавой, демоны извергаются из глубин, а рогатые местные жители считают себя людьми, а тебя ангелом.Чистым существом из мифов, на которое объявляют охоту сильнейшие фракции этого гибнущего мира.Но что, если ты действительно ангел? И что ты будешь делать, когда древнее пророчество потребует от тебя спасти этот ад?Здесь не выживают. Здесь либо убивают либо бегут. Что выберешь ты? Первое интерактивное темное фэнтези с авторским AI-саундтреком. Альбом-саундтрек «Жерло. Том первый» от исполнителя Евгения Отставнова уже доступен на Яндекс Музыке и всех стриминговых платформах.Эксклюзивно на ЛитРес.

© Отставнов Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Отставнов
Жерло. Том первый

Часть первая. Извержение

Глава I

Был пасмурный осенний день. Накрапывал мелкий дождик. Худая крыша в нашей хибаре безбожно протекала, и холодные капли с гулким стуком бились о мокрый пол, разлетаясь грязными брызгами.

Мать скрючилась у мутного окна, пытаясь поймать ту самую малость света, что пропускала натянутая вместо стекла плёнка — те жалкие лучи, которым удавалось преодолеть сплошную серую завесу неба. Где-то ей посчастливилось раздобыть портняжную иглу, и теперь она торопливо пыталась слепить из рванья и старых тряпок курточку для меня, спасая от стремительно приближающихся холодов. Мать спешила, то и дело колола пальцы, с досадой совала их в рот, утишая боль, и снова принималась за шитьё. Лучины в доме не водилось, и как только солнце окончательно иссякнет, она уже ничего не сможет сделать, а ценную иглу завтра нужно возвращать.

Я, малец шести лет от роду, закутавшись в ворох драных, смердящих обносков, просто сидел в углу, ритмично выбивая дробь зубами. Нам было невыносимо холодно, но денег на покупку дров не имелось. Вечером должен вернуться со службы отец. Мы отчаянно надеялись, что он принесёт хотя бы одно полено и кусок чёрствого хлеба, ведь в этот день ему полагалось получить жалование. Тогда перед сном можно будет даже поужинать.

Вообще, из-за малости лет я плохо помнил прежние времена, но мать часто повторяла, что так убого мы жили не всегда. Были дни, когда отец служил в баронской дружине: тогда в лачуге водились дрова, а мы ели досыта. Но в одном из боёв он потерял руку... А кому в дружине нужен безрукий солдат? Он и выжил-то тогда лишь чудом, после тяжёлой горячки. И всё, как отрезало. Калека оказался не нужен баронскому воеводе, а ничего другого отец не умел — только твёрдо стоять в пехотном строю и ловить неприятеля на остриё пики. Кое-как ему удалось устроиться привратником к местному купцу за несколько жалких медяков.

«Что это за жизнь?» — думал я, слушая мерное урчание собственного желудка и стук зубов.

Пастор на воскресной проповеди долго и страшно рассказывал об ужасах ада, о том, как мучаются грешные души на раскалённых просторах преисподней... Неужели там может быть ещё хуже, чем здесь?

Оказалось, может. Отец в тот вечер так и не пришёл. Мы всю ночь не находили себе места от тревоги, а на следующий день его тело обнаружили соседи. Совсем близко, в грязной сточной канаве. Его ограбили и зарезали ради тех самых шести медяков, которые он заработал и нёс своей семье.

Помню, когда покойника тащили к погосту, я шёл следом. Но перед моим взором расстилалась вовсе не серая городская мостовая, стиснутая приземистыми убогими хибарами, а бескрайние, выжженные красно-коричневые равнины, исходящие то ли густым паром, то ли дымом. Посреди них змеилась ярко-оранжевая лента дороги. В воздухе отчётливо пахло серой, вытесняя привычную водяную взвесь осеннего дня. И к городским воротам плелись не сутулые людские фигуры, а тяжело вбивали шаги в дорожную пыль совсем иные существа — гордые, высокие, облачённые в сверкающее серебро доспехов с развевающимися за спиной плащами. Над их рогатыми краснокожими головами мерно покачивался густой лес пик, а впереди

на могучем четвероногом скакуне, ни капли не похожем на коня, ехал вождь, подле которого вышагивал знаменосец. Их стяг яростно хлопал на ветру, демонстрируя этому миру герб — два скрещенных меча.

Дальнейшее превратилось в сущий кошмар. Как мы с матерью тогда не померли с голоду — одному чуду известно.

А потом, когда мне исполнилось одиннадцать, на город обрушилась новая беда. К тому времени я уже подрос, окреп и брался за любой случайный заработок, но в те дни всякая жизнь на улицах замерла. Весь серый город, подобно навязчивому шуму крови в ушах, пронзал непрерывный, зловещий гул набата. Всё вокруг окутал едкий, удушливый дым погребальных костров. По безлюдным переулкам сновали лишь фигуры в серых балахонах и жутких масках с птичьими клювами. Мимо них, мерно поскрипывая осями, то и дело прокатывались телеги, доверху нагруженные страшным, безжизненным грузом.

Мать лежала на лавке и уже даже не стонала. Чёрные провалы глазниц и сухого, потрескавшегося рта резко выделялись на восковом лице, покрытом лопающимися от крови волдырями. Одна её рука неподвижно покоилась на тяжело, аритмично вздымающейся груди, а вторая безвольно свисала к полу. Под пальцами успела натечь багровая лужица, которую, шевеля пучком длинных усов, лениво обнюхивала огромная чёрная крыса. Тварь совершенно не боялась человеческого присутствия, дерзко поглядывая на меня бусинами глаз и не думая бежать.

Я просто сидел на грязных, прогнивших досках и отрешённо глядел куда-то сквозь умирающую. Мой привычный мир рушился, а сквозь распадающуюся реальность неумолимо наплывал иной, чужой мир. Его зыбкие линии и очертания с каждым мгновением становились всё более устойчивыми и чёткими, в то время как наш серый убогий город, напротив, превращался в призрачный мираж. Я окончательно потерял границу и больше не понимал, что из этого является настоящим, а что — лишь сном.

Может быть, я тогда тоже умер?

Глава II

В конечном итоге меня нашёл господин Тарс. Я лежал в сарае, куда меня загнал и зажал в угол бескомпромиссный страж подворья — двухголовый огненный пёс. Жуткий монстр при первом знакомстве, он впоследствии оказался невероятно верным, преданным и ласковым к своим. Как я очутился в том месте, память не сохранила. Помнил лишь бескрайние полыхающие равнины, несколько столбов дыма вдали и то, что дышать было невыносимо тяжело. Я шёл, задыхаясь от сухого, здорово отдающего гарью воздуха, отчаянно желая рвануть на груди ворот и вдохнуть хоть каплю свежести. Пот катился градом, страшно хотелось пить, а перед глазами плясали кровавые пятна...

Видимо, я всё-таки добрёл до поселения, чьи огни манили меня издалека, и каким-то чудом проник за ограждение, а затем и во двор господина Тарса. До сих пор не понимаю, зачем этот чужак меня выхаживал и даже щедро оплатил услуги лекаря. По местным меркам он считался состоятельным человеком, но всё же — ради чего?

Внешность местных обитателей поначалу повергла меня в неописуемый ужас. Когда я впервые пришёл в себя и увидел перед собой того самого знахаря, у меня перехватило дыхание: черты лица были вполне человеческими, но красноватая кожа и, самое главное, глаза — ярко-жёлтые, с вертикальным зрачком, как у кота! Я тогда заорал столь же самозабвенно, сколь и долго, пока вновь не погрузился в милосердную тьму.

Да, и что ещё важнее — рога! Из его седой шевелюры отчётливо торчали небольшие закруглённые рожки. Примерно так в прежнем мире отец Жозеф и описывал врага рода человеческого. И при всём этом здешние существа считали себя именно людьми.

Слава Святым Небесам, во время второго пробуждения возле постели никого не оказалось. Я не сразу сообразил, где нахожусь, как, собственно, не помнил, кто я и что со мной было прежде. Окружающая обстановка вызывала лишь недоумение. Это было небольшое помещение, сложенное из крупных серых блоков, с крепкой дверью и узким окном. Из мебели — стол, два табурета и ложе. Да, именно настоящая кровать, даже с мягкой подушкой и чистым одеялом, в которое я был укутан. На столе высился кувшин и стояло большое блюдо с аппетитными лепёшками. Рядом темнел кусок пергамента, испещрённый непонятными символами — местными письменами. Но ни читать, ни писать я тогда не умел, поэтому просто скользнул по нему равнодушным взором. А вот угощение пришлось мне по вкусу, как и прохладное содержимое кувшина.

Утолив первый голод, я осторожно выглянул в окно и обомлел от нахлынувшего ужаса. Мало того что на меня лавиной рухнули воспоминания о событиях недавнего прошлого, так ещё и увиденная на улице картина заставила кровь отхлынуть от лица. Всего в нескольких метрах от меня, свернувшись клубочком, спокойно дремал ярко-красный двухголовый монстр, исходящий то ли дымом, то ли паром. Чистое порождение преисподней мирно спало, изредка вздрагивая во сне.

Тогда я, конечно, с перепугу совершил много глупостей, за которые позже было невыносимо неловко. Пытался забаррикадировать дверь, судорожно шептал молитвы, призывая всё небесное воинство себе на защиту, бросался в неравный бой на заглянувших в комнату хозяев, яростно размахивая табуретом, опрокинул блюдо и разбил кувшин...

Пёс во дворе заливался хриплым рёвом, тщетно подпрыгивая к подоконнику, за которым буйствовал перепуганный чужак. Вернуть меня к адекватности удалось лишь тогда, когда силы окончательно иссякли. Я забился в угол и вяло, безучастно реагировал на всё происходящее вокруг. Поначалу я совсем не разбирал их речь. Но постепенно, запоминая отдельные слова, улавливал общий смысл, а со временем заговорил и сам.

Господин Тарс и его близкие смогли убедить меня в своей добропорядочности исключительно искренним, тёплым отношением. К их жутковатому облику было непросто привыкнуть, но на поверку они оказались по-настоящему добрыми людьми — такими, каких в прежнем, сером мире мне встречать не доводилось. И это при том, что здесь я официально считался павшим ангелом. Не падшим, а именно павшим — то есть буквально свалившимся с неба, из вышнего чертога. А от верхних миров местный люд ничего хорошего не видел и не ожидал. И тем не менее меня исцелили, выходили, ограничили от нападок и дали надежную защиту от прочих жителей деревни, чьё отношение ко мне можно было мягко назвать враждебным.

В семье господина Тарса я счастливо прожил около двух лет. Меня кормили, поили, обучили грамоте и даже подпустили к святая святых — семейному ремеслу, выдуванию сосудов из удивительного лавового стекла. Я даже успел безответно влюбиться в младшую дочь хозяина, миловидную рыжеволосую девчушку с миниатюрными рожками и хрустальным смехом — Ливану. А с грозным псом Ковррром мы и вовсе стали лучшими друзьями.

Но однажды в деревню вошёл отряд правителя окрестных земель, Лорда Валертана, под предводительством барона Харрора. Его замок располагался всего в дне пути и нависал серой каменной массой над перевалом вулканической гряды. Поселение относилось к подконтрольным барону территориям, то есть являлось его прямой собственностью.

Не знаю, кто и что именно донёс феодалу, но за мной пришли несколько рослых воинов и бесцеремонно увели со двора, успевшего стать мне родным. Видимо, какой-то тяжелый разговор у главы семейства с представителями власти всё же состоялся: когда меня заковывали, господин Тарс старательно прятал глаза, боясь встретиться со мной взглядом. Женщины откровенно всхлипывали, а парни сурово сжимали кулаки. Мои названные братья.

Самого барона я тогда толком не разглядел — видел лишь издали. Это был представительный, властный мужчина в богатом кафтане, восседавший на рогатом скакуне. Собственные

рога Харрора по длине превосходили те, что носили деревенские жители или его личные гвардейцы. А ещё у него обнаружился длинный хвост, коим он смело похлопывал зверя по бокам. На мгновение барон задержал на мне холодный взор ярко-зелёных глаз, после чего умчался в голову колонны. Меня же, заковав зачем-то в тяжёлые цепи, поволокли в самом хвосте отряда, привязав к задку одной из телег.

В цитадели барона я провёл немногим более года. Всё это время меня держали в каменном мешке одиночной камеры. Ничего не объясняли, не допрашивали и вообще не разговаривали. Я не знал, что ждёт меня впереди, и смел лишь догадываться, что ничего хорошего, но в дело вмешался слепой случай. Произошло внезапное ночное извержение вулкана, совпавшее по времени с яростным нападением на замок неведомых, страшных существ.

Глава III

Я проснулся от мощных подземных толчков. Толстые стены замка и своды подземелья жалобно хрустели. Снаружи, в темноте коридоров, царила паническая суета, слышались топот и приглушённые крики. Через какое-то время всё внезапно стихло, а затем раздались торопливые шаги и скрежет повернувшегося в скважине ключа.

— Спасайся, ангел, демоны прорвались! — истерично крикнул в темноту каземата тюремщик и, оставив дверь распахнутой, поспешно прохрустел осыпавшимся гравием дальше по проходу.

Я осторожно высунул нос наружу. В коридоре было чуть светлее, чем в камере, и я, крадучись, проследовал в ту сторону, куда умчался страж, стараясь не шуметь осыпавшейся штукатуркой и не греметь сковывавшей меня цепью.

Вдруг пол под ногами вновь резко дёрнулся, стены качнулись. Меня подбросило в воздух, чувствительно приложило о каменную кладку и швырнуло на что-то податливое и мягкое. Ладони мгновенно ощутили нечто тёплое и скользкое. Сделав несколько судорожных движений, я с ужасом осознал, что лежу на мёртвом, залитом кровью теле. Дико закричав от нахлынувшего ужаса, я яростно оттолкнулся ногами и пополз задом. Меня колотила крупная дрожь. Кое-как добравшись обратно до своей конуры, я забился в угол, пытаясь перевести дух и хоть как-то осмыслить происходящее.

Землетрясение? Или что-то похуже? Нападение демонов... Но кто они такие, если даже эти рогатые люди называют их демонами? Труп стража в коридоре означал, что твари уже близко. Стало очевидно: оставаться в подземелье — верная смерть. Придётся вернуться к мёртвому тюремщику, забрать у него связку, освободиться от оков и выбираться наружу. А дальше — бежать. Бежать без оглядки, как можно дальше и как можно быстрее!

Страх сковывал движения, но отчаянное желание жить всё же подняло меня на ноги и погнало вперёд. Лихорадочно ощупываю покойника — пусто. Шарю по грязному полу и — о, счастье! — пальцы натыкаются на заветное кольцо с ключами, лежащее прямо под рукой стража. Их там больше десятка. Пытаюсь подобрать нужный, но руки ходят ходуном, я никак не могу попасть в скважину замка. Наконец — есть! Оковы с металлическим звоном упали на камни. Я поднялся во весь рост и вдруг уловил сиплый шёпот из-за соседней двери:

— Эй, малый, помоги!

Первым порывом было броситься прочь, но я почему-то остался и снова принялся судорожно перебирать ключи. Замок поддался, дверь распахнулась столь резко, что я невольно отшатнулся. Узник уверенно шагнул в коридор, бесцеремонно оттолкнув меня плечом, и тут же наткнулся на мертвеца. Незнакомец молниеносно наклонился, обшарил тело и с хищным лязгом вытянул из ножен кинжал.

— Ключи у тебя? — спросил он.

В ответ я лишь коротко кивнул.

— Бежим!

Я едва поспевал за ним в глухой темноте, но остаться здесь одному было в сто крат страшнее. Приходилось прилагать максимум усилий, чтобы не отстать ни на шаг. Мой нежданный попутчик ловко менял направления, ни разу не ошибившись на поворотах запутанного лабиринта. Вскоре мы достигли выхода. Дубовая створка оказалась заперта, но скудный свет луны и разгорающихся наверху пожаров, проникавший сквозь узкое зарешёченное окно, явил нам жуткую картину. Всё пространство перед массивными воротами было буквально залито багровой жижей и усеяно фрагментами тел. Ни одного целого покойника — словно здесь неистово поработал безумный мясник гигантским топором. Смрад выпотрошенных кишок тяжёлым, удушливым облаком неподвижно стоял в воздухе.

Меня скрутил жесточайший приступ рвоты. Казалось, я выворачиваюсь наизнанку, и никак не могу остановиться — стоит лишь слегка втянуть ноздрями этот кошмарный воздух. Так бы я там и остался, если бы спутник грубо не рванул меня за шиворот, увлекая за собой. Он вытащил меня на свежий воздух, усадил на землю, прислонив к стене, и резко разорвал ворот моей рубахи. Перед глазами сквозь темень плавали кровавые круги, и мне было абсолютно плевать на то, что со мной происходит. Я прерывисто дышал, безуспешно пытаясь завалиться набок и чувствуя едкое першение под языком.

— Какие мы нежные, — как сквозь вату донёсся до меня циничный голос. — О... да ты, никак, не человек!

Внезапно перед глазами вспыхнули и погасли снопы слепящих искр, но вместе с этой болью начало возвращаться зрение. Мой попутчик сидел на корточках рядом, напряжённо вглядываясь в окрестный мрак, после чего мимолётом глянул на меня.

— Очухался, ангелок? — спросил он и, не дожидаясь ответа, хмуро продолжил: — На этом замке можно ставить жирный святой крест — к утру живых здесь не останется, так что уходим. Я иду первым, ты за мной. Отстанешь — сгинешь. Двигаться нужно быстро, бегом. Ты следи за тылом. Если что заметишь — ори так, будто тебе яйца дверью защемило! Терять нам всё равно уже нечего. Если нас засекут, гнать будут до самого рассвета. Всё, смотри в оба и не отставай. Двигаем на счёт «три»... Раз, два, три!

И он рванул с места, как заправский спринтер. Меня обдало ледяной волной ужаса перед перспективой остаться в одиночестве. Я даже не заметил, как подскочил и помчался следом, топая словно буйвол и рискуя каждую секунду полететь кубарем. Оглядываться назад было слишком страшно, но потерять из виду тёмный силуэт впереди — ещё страшнее. Я практически летел, едва касаясь подошвами земли, во все глаза глядя в темноту. Несколько раз по лицу хлестали какие-то прутья, пару раз я сильно спотыкался, но чудом удерживал равновесие. По пути то и дело попадались растерзанные трупы и размазанные поперек дороги внутренности, но мне уже было наплевать — главное, чтобы впереди мелькала чужая спина.

Так мы добежали до подножия башни. Я едва не налетел на своего спутника, когда тот резко остановился напротив тёмного провала входа, выставив перед собой кинжал.

— Стой, ангелок! — скомандовал он. — Сейчас поднимемся на стену и прыгнем в ров. Другого пути нет. Плавать умеешь? Впрочем, неважно.

И он решительно шагнул в темноту. Я дёрнулся было за ним, но тут же врезался в его спину — парень стремительно пятился назад. Он резко оттолкнул меня, я повалился на спину и оцепенел от увиденного. Из башни неуклюжей, ломаной походкой топал мёртвый воин. Он был весь залит кровью, его лицо оказалось наполовину обглодано, так что белый ряд зубов зловеще блестел в лунном свете, а следом за ним весёлой гирляндой тянулись его собственные кишки. Мертвец неловко взмахнул рукой, пытаясь достать моего спутника, но тот ловко увернулся, сделал выпад кинжалом и с силой пнул ходячий труп в спину. Противник отчаянно замахал конечностями, не удержался и с грохотом рухнул, взметнув тучу серой пыли.

Попутчик повернул ко мне своё искажённое диким ужасом лицо и истошно заорал, переходя на ультразвук:

— Бежим! Бежим!!!

И мы припустили с такой скоростью, что недавний кросс показался бы невинной детской забавой. Нам будто приделали крылья — мы не чувствовали под собой ног. За пару ударов сердца взлетели по крутой винтовой лестнице на оборонительную площадку и, не раздумывая ни секунды, сиганули вниз, прямо в ночную бездну. Уже в полёте в голове промелькнул сумасшедший рой мыслей: а есть ли там вообще вода, а достаточно ли сильно я оттолкнулся от каменного парапета?.. Но тело уже летело, и изменить ничего было нельзя.

Глухой всплеск — и я ощутил, как пробиваю податливую плёнку и с головой погружаюсь в на удивление горячую жидкость.

Вынырнув, я заставил себя оглядеться. На гребне стены искрами мелькали факелы, а через мгновение со стороны замка раздался полный звериного отчаяния и злобы вой.

— Вода их задержит! — панически выкрикнул мой спутник, отплёвываясь. — Быстрее, быстрее, уходим!

Мы торопливо выплыли на берег и снова побежали. Бежали без остановки, не чуя под собой ног. Двигались до тех пор, пока далёкие вершины гор на востоке не подёрнулись зеленью, ознаменовав скорый восход солнца. Сил не осталось ни капли. Едва донеслась долгожданная команда: «Всё, стой!», как мы замертво рухнули прямо в пыль, мгновенно проваливаясь в глубокое беспамятство, а не в простой сон.

Глава IV

Когда я снова пришёл в себя — очнулся ли, проснулся, тут уж точно не определить, — солнце едва поднялось над зелёными вершинами вулканических гор, но вокруг было уже достаточно светло. Мой ночной попутчик сидел неподалёку и меланхолично ковырял грунт остриём кинжала, изредка поднимая голову и обводя окрестности цепким, настороженным взглядом.

Сейчас, при дневном свете, мне наконец удалось его рассмотреть. Он не отличался могучими габаритами, что бросалось в глаза ещё во время панического бегства, но под драной серой робой арестанта явственно угадывались бугры крепких мускулов. Это выдавало в нём либо профессионального воина, либо человека, привыкшего к тяжёлому физическому труду. Впрочем, довольно тонкие, правильные черты лица намекали на благородное происхождение. Окончательно это предположение подтверждали рога, значительно превосходившие те, что мне доводилось видеть у деревенских жителей или тюремщиков. Длинные, острые и загнутые назад, а не торчащие вверх, как у крестьян, по своей форме они были ближе к баронским. Насколько я сумел запомнить облик Харрора. Глаза незнакомца оказались точно такими же — ярко-зелёными.

— Очнулся, ангелок? — спросил он, перехватив мой взор. И сам же ответил на собственный вопрос: — Очнулся. Как самочувствие, нигде не болит?

Я попытался приподняться и сразу осознал, что вопрос про здоровье был задан неспроста — болело абсолютно всё. Каждая мышца, казалось, каждая клеточка тела при малейшем движении отзывалась резкой, а затем изнуряюще ноющей мукой. Должно быть, эти ощущения красноречиво отразились на моём лице в виде жалобной гримасы, потому что спутник понимающе усмехнулся:

— Полежи пока, скоро пройдёт.

И он вернулся к своему занятию. Я послушно остался лежать на тёплой вулканической земле, глядя в серое небо на лениво плывущие облака, и думал, какое же это блаженство —

просто никуда не бежать. Чувствовать, как расслабляется измученное тело, растекаясь словно желе по нагретым камням...

Когда сознание вернулось ко мне в следующий раз, солнце уже высилось в зените. Отчаянно хотелось пить. Я приподнял голову и огляделся — воина нигде не было. Гонимый дурными предчувствиями, я испуганно вскочил на ноги. Тяжёлая, удушливая волна одиночества захлестнула меня с головой. Его след простыл. Я остался один посреди чужого мира.

Пытаясь сглотнуть подступивший к горлу ком и сдержать наметившиеся слёзы, я очертя голову бросился вниз по склону. Сперва просто шёл, ускоряя шаг, затем побежал, но вскоре резко остановился, тяжело дыша.

«А чего я, собственно, паникую? — запоздало подумал я, пытаясь унять дрожь. — Он ведь, наверное, просто ушёл на разведку. Не мог же он бросить меня здесь, посреди безжизненной пустыни после всего, что мы прошли? А если он вернётся, а меня нет, как он меня отыщет? Надо немедленно возвращаться к лагерю!»

Я развернулся и побрёл обратно в гору, лавируя между крупными валунами.

Я и не задумывался о том, сколько шума произвёл своими хаотичными манёврами. И, конечно, не видел, как трое всадников чуть ниже по склону замерли, чутко вслушиваясь в шорох камней, а затем синхронно повернули хищных скакунов к источнику звука. Тафы понесли седоков вверх, совершенно бесшумно ступая мягкими лапами с втянутыми клинками когтей.

Чужаков я заметил лишь тогда, когда они поднялись, умело прикрываясь валунами, и взяли меня в кольцо. Один из них издал губами призывный щёлкающий звук, на который я и среагировал. Обернулся, наивно полагая, что это мой спутник, и оцепенел от ужаса при виде троих незнакомцев.

Они тоже явно не ожидали встретить столь нестандартную для этих диких краёв внешность и несколько мгновений молча меня изучали.

— Вот так находка, — наконец протянул один.

Второй задумчиво почесал грязной лапой жесткую бороду:

— Ну что ж, ангела тоже можно будет выгодно пристроить... — произнёс он, перекинул ногу через луку седла и спрыгнул в пыль. Его таф тут же уселся на землю, по-кошачьи обвив мощные лапы чешуйчатым хвостом.

Главарь подошёл ко мне с таким видом, с каким дотошный купец рассматривает товар перед покупкой. Резко выхватил клинок из ножен — я испуганно вздрогнул, вызвав у него издевательскую усмешку, — и обошёл меня по кругу, несильно похлопывая по бёдрам плоскостью оружия.

— Тощий, — наконец озвучил он очевидное. — Но это не беда, ангела берут не на плантации. Вяжи его, Лан!

Я прекрасно понимал, что дело принимает скверный оборот. Только-только удалось выпутаться из прежних неприятностей и сбежать из баронских казематов, как меня вознамерились вновь пленить и продать неведомо кому. Было ясно, что добром это не кончится. Меня колотило, бросало то в жар, то в холод, а эти унизительные «смотрины» окончательно лишили остатков разума. В общем, едва ближайший ко мне разбойник повернулся спиной, а второй только начал сползать со своего скакуна, я, повинуясь скорее животному инстинкту, нежели осмысленному плану, со всей силы толкнул первого, резко развернулся и без оглядки бросился наутёк.

Тогда я ещё понятия не имел, на что способны тафы, ведь видел этих тварей всего однажды, в отряде Харрора. Я мчался во весь дух, оскальзываясь на щебне, а два хищника, ловко перемахивая через скальные обломки, бежали на одном уровне со мной. Вот один из них выбрал удачный момент и прыгнул, по-кошачьи вытягивая вперёд когтистые лапы. Спасло

лишь то, что моя левая нога в это мгновение потеряла опору и поехала по зыбучему гравию, увлекая за собой меня целиком.

Таф промахнулся, яростно фыркнул и, стремительно развернувшись на месте, прыгнул снова. Однако и я, не в силах остановить падение, сорвался с невысокого уступа и покатился кубарем, стремительно набирая скорость и рискуя превратиться в кровавое месиво.

Зверь с разочарованным воем пронёсся над головой, отчаянно цепляясь когтями за грунт, и спустя мгновение с глухим хрустом врезался в массивный валун, огласив окрестности пронзительным визгом. Ещё через секунду я и сам на полной скорости впечатался в тушу хищника. Ему это явно не пошло на пользу, зато мне существенно смягчило удар. И всё же перед глазами на миг сгустилась тьма. К счастью, ненадолго. Доносящиеся сверху яростные голоса, звериный рык и слабое шевеление подо мной быстро привели меня в чувство. Я отчётливо осознал: теперь продавать меня никто не станет. Теперь меня будут убивать.

Я снова побежал, оскальзываясь и ежесекундно рискуя свернуть шею. Теперь я мчался чётко вниз, лавируя от валуна к валуну. Всё ниже и ниже. Внезапно позади, на самой вершине склона, раздались дикие вопли, а следом донёсся жуткий, нарастающий грохот. Поймав момент, я испуганно оглянулся: моих преследователей нагоняла колоссальная каменная лавина. Меня мгновенно бросило в липкий пот. Я ужом распластался по земле и юркнул в узкую щель под ближайшей скалой, молясь, чтобы смертоносный поток прошёл мимо.

Вскоре людские крики и предсмертные звериные вопли полностью поглотил оглушительный грохот стихии. Первые глыбы полетели прямо над моей головой, увлекая за собой удушливые клубы пыли. Они падали буквально на расстоянии вытянутой руки, высекая искры из утёса и разлетаясь градом острых осколков. Я вздрагивал всем телом каждый раз, когда очередной каменный нож вонзался в беззащитную плоть. Должно быть, в тот момент я сам выглядел не лучше преследователей — безумный, израненный, с ног до головы покрытый грязью и кровью.

Наконец лавина стихла, промчавшись надо мной, и унеслась дальше к подножию. Я осторожно выглянул из укрытия, готовый в любую секунду продолжить бегство, но опасность миновала. Склон был абсолютно пуст. Лишь неподалёку слабо ползал покалеченный таф, который, жалобно поскуливая, цеплялся когтями за камни и волочил за собой разбитую в фарш заднюю часть туловища. Чуть дальше, истошно крича и плача, пытался сбросить придавивший ногу булыжник один из нападавших.

Оглядевшись, я медленно пошёл к нему. Разбойник заметил моё приближение и сразу всё понял по лицу. Он пытался о чём-то умолять, наверное — пощадить, но я не видел и не слышал ничего вокруг. Перед моим взором стоял лишь его ядовито-красный силуэт на угольно-чёрном фоне, а звуки долетали словно сквозь толщу воды. Кажется, я просто поднял увесистый булыжник и долго, методично бил его, пока он не затих, слепо вымещая в этих ударах весь свой накопленный страх, отчаяние и первобытную злость.

Позже я просто сидел на краю утёса, тупо глядя перед собой. И даже не услышал, как рядом бесшумно опустился мой попутчик и протянул мне флягу. Я послушно взял её и машинально сделал глоток прохладной воды.

— Знаешь, — нарушил тишину воин, — а мясо тафов вполне себе съедобно. Пошли поедим, я угощаю.

Он по-дружески хлопнул меня по плечу и поднялся.

Я ещё долго сидел на краю обрыва, тупо глядя в пустоту. Солнце раскрасило западную часть горных вершин в пронзительный зелёный цвет, а я медленно допивал последние капли прохладной влаги. На душе было тяжело, гадко и мерзко. Наконец я всё же решился: нужно получить ответы на вопросы, которых накопилось слишком много. И я поднялся.

Воин уже развёл огонь. Я побрёл на мерцающий в сгущающихся сумерках источник света, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону убитого мной разбойника. Человека? Ведь здешние обитатели считали себя именно людьми. Да, их внешность пугала, но среди них было более чем

достаточно по-настоящему добрых, порядочных и милосердных. Тот же господин Тарс и его близкие, да и многие из их односельчан. В противовес тем существам, которые населяли покинутый мной вышний чертог, как здесь его называли. Я горько, обречённо усмехнулся, вспомнив своё жалкое существование на серых улицах и те надменно-брезгливые лица... «ангелов».

Я шагнул в круг света и присел на валун. Костёр весело потрескивал, почти не выделяя дыма. К своему изумлению, я обнаружил, что в нём горят камни! Не ветки, не сухая трава, а какие-то маслянисто чернеющие булыжники.

— Это особая лавовая порода, — пояснил воин, заметив моё удивление. — Я многому могу тебя научить.

Он ненадолго замолчал, споро переворачивая сочные куски мяса над огнём, а затем негромко спросил:

— Первый раз? — и коротко кивнул в сторону склона, где остался лежать покойник.

Я утвердительно моргнул и, набравшись смелости, задал встречный вопрос:

— Как твоё имя?

— Уш, — немедленно отозвался тот. — Зови меня Ушем.

Повисла неловкая пауза, нарушаемая лишь аппетитным шипением зажаривающегося жира да сухим треском раскалённой породы.

— Ты хотел спросить о чём-то важном, — нарушил молчание воин. — Наверное, почему я использовал тебя как наживку?

Я поднял на него глаза и честно кивнул:

— Да.

— Ты действительно мог погибнуть, риск был велик, — прямо признался Уш. — К тому же я не знал, как ты себя поведёшь, ведь ты мог просто испугаться и сдаться. Тогда бы я ничего не сумел предпринять. Но нам повезло: ты оказался крепкой закваски. Благодаря твоему бегству у нас теперь есть трофейное оружие, пища и вода. Иначе мы бы здесь попросту не выжили. Умеешь обращаться с этим? — он указал на два меча, лежавшие на тряпице рядом со станиной.

Я отрицательно покачал головой.

— Это поправимо, — успокоил он меня. — Я обучу тебя. Теперь я вижу, что на тебя можно положиться, к тому же ты ещё достаточно молод, чтобы быстро освоить воинскую науку.

Мы беседовали до глубокой ночи, неторопливо поедая сочное мясо. В основном говорил Уш, я лишь внимательно слушал. Он терпеливо прояснил неясные моменты и, в общем-то, окончательно меня успокоил. Я ощутил удивительный покой и уверенность. От этого человека веяло сокрушительной надёжностью — точно так же, как тепло и свет распространялись от нашего костра. Его сильная аура окутала и убаюкала меня. Я поймал себя на мысли, что уже простил ему тот факт, что едва не погиб под устроенным им обвалом. Он ведь никак не мог просчитать, успею ли я найти укрытие. Главное — теперь я был искренне готов следовать за ним и в огонь, и в воду.

Что касается причин, по которым я понадобился барону, Уш предположил, что Харрор скорее всего намеревался выгодно меня перепродать. За таких, как я, давали огромные деньги богатые монастыри и тайные алхимические Ордена. Подобные мне пришельцы периодически падали в этот мир, и с их появлением всегда происходили резкие перемены — либо к великому благу, либо к ужасной катастрофе. Так что барон вполне мог преследовать и собственные, только ему ведомые цели.

На вопрос о том, почему он сам очутился в казематах, Уш ловко ушёл от ответа. Зато подробно разъяснил, что произошло в цитадели в ту кошмарную ночь. По местным поверьям, нижние миры были населены монстрами и древними героями, а некоторые — тёмными богами и праведниками. Во время извержения вулкана сквозь разлом в зеркале реальностей сюда, в срединный мир, хлынули кровожадные твари — демоны. Убить их можно исключительно заговорённым или благословлённым оружием. Единственное спасение заключалось в том, что

жили они лишь до первых лучей солнца, после чего неминуемо проваливались обратно в бездну.

— Но хуже всего то, — хмуро подытожил Уш, — что среди них оказался Тёмный герой. Это высший демон, способный менять обличья, не бояться дневного света и поднимать мертвецов. А это огромная проблема. Значит, баронскую крепость отныне нужно обходить седьмой дорогой — теперь там царство смерти. Пока кто-нибудь из Лордов не соберётся с силами и не выкорчует эту заразу. Если, конечно, сумеет.

Глава V

Мы шли по этой пышущей жаром долине уже несколько дней. Мясо тафа за это время закончилось, как и запасы воды. Но Уш научил меня добывать влагу прямо из камней, что поначалу повергло меня в полнейшее изумление. Он показал особый, довольно редкий вид булыжников, которые следовало хорошенько прокалить на открытом огне. Разогревшись, они становились хрупкими, легко крошились в песок и высвобождали жидкость странного, солоноватого вкуса, но вполне годную к употреблению.

Попутно воин продемонстрировал, как не умереть с голоду, выковыривая из камней другого типа толстых, сочных личинок. Выглядели эти твари премерзко и противно пищали, особенно когда их жуёшь. Но, переборов брезгливость, я понял, что они весьма недурны на вкус и отдалённо напоминают жареное мясо из прежней жизни — из тех времён, когда был жив отец и мог иногда побаловать нас с матерью отрезом сочного поросёнка.

Уш учил меня фехтованию. В те редкие часы, когда мы останавливались перевести дух, он заставлял меня изрядно попотеть, гоняя без конца упражняться с тяжёлой трофейной железякой.

— А ты быстро учишься, — похвалил он меня как-то во время передышки. — Кем, говоришь, был твой отец?

Я ловко отразил его очередной выпад. Теперь я уже мог заранее просчитывать его действия по тому, как он переносил тяжесть тела на опорную ногу. Уш бросил мимолётный взор в сторону, словно отвлёкся, но на самом деле так он прицеливался к новому сектору атаки и лёгким кистевым движением направил клинок, целясь мне подмышку. Но его оружие с лязгом встретила сталь моего меча. Сноп ярких искр брызнул в разные стороны.

— Солдатом у местного барона, — угрюмо отозвался я.

Признаться, совсем не хотелось ворошить прошлое. Я постепенно забывал прежнюю жизнь: и нашу убогую лачугу, и злобные, затравленные взгляды горожан, и вечно испуганную, бледную мать...

Уш заметно удивился, что его обманный трюк не сработал, но виду не подал. Молниеносно сместился в сторону и обрушил на меня всю мощь своего клинка. Я не стал блокировать этот сокрушительный удар. Не знаю почему, но тело начало двигаться словно само по себе, а я лишь следил за происходящим со стороны, как сторонний наблюдатель. Сделав резкий шаг навстречу врагу, я вскинул руку — сталь взлетела вверх и опасно упёрлась Ушу прямо в обнажённое горло.

Воин замер, шумно сглотнув. Я отчётливо видел, как напряжённо дёрнулся его кадык. Издав звонкий, жалобный звон, выроненный им меч запрыгал по камням. Тяжело выдохнув, спутник отшатнулся назад и натянуто, фальшиво улыбнулся:

— Тогда понятно.

Эта улыбка не была доброй. Что-то злое и опасное на миг мелькнуло в самой глубине его зелёных глаз. Но я лишь безразлично пожал плечами — мало ли, просто показалось.

— Пошли поедим, — Уш размашисто хлопнул меня по спине, подбирая свое оружие с земли. — А ты надёжен, парень. Если что, ты уже сможешь прикрыть мне тыл. Повезло мне с тобой.

Произнося эти духоподъёмные слова, он упрямо смотрел куда-то в сторону. Ну да ладно, в конце концов, я и сам от себя подобной прыти не ожидал.

Я молча наблюдал за тем, как Уш подцепил острыми когтями извивающуюся тварь, каких он называл стуксами, небрежно отправил её в рот и принялся самозабвенно пережёвывать, тупо глядя на ярко-красные угли затухающего костра.

— Не понимаю, — неожиданно для самого себя выдавил я, нарушив тишину, — как я так сумел?

Уш на мгновение замер и медленно перевёл взор в мою сторону:

— Что именно ты имеешь в виду? — он даже перестал жевать.

— Ну... — я уже сто раз пожалел, что ляпнул не подумав, — когда я одолел тебя в поединке...

Несколько секунд спутник пристально, не мигая буравил меня взором. Мне даже почудилось, будто его глаза сейчас прожгут во мне две аккуратные дырки. А затем он резко ударил ладонями по коленям и оглушительно захохотал, широко разевая набитый пищащими личинками рот, так что мелкие кусочки их плоти брызнули во все стороны.

Я окончательно растерялся. Неловко глядел себе под ноги, с отвращением замечая, что частички стуксов, покинувшие рот Уша, вели себя как живые, отчаянно пытаясь зарыться в жёсткий лавовый грунт.

Воин всё хохотал. Но вдруг резко замолчал, мгновенно оборвав смех. Затих, шумно проглотил пищу и снова вперил в меня тяжёлый взгляд:

— Ты не победил, ангелок, — хрипло, с угрозой произнёс он. — И никогда победить меня не сможешь. Заруби это на своём бледном носу!

Он рывком пересел ближе, почти вплотную:

— Это я... Я просто позволил тебе почувствовать, каково это — взять верх над самим круллхом Ушнаром ист Таном. А ты и поверил. Ты слишком доверчив, мальчик. Здесь, в пустошах, подобная глупость быстро будет стоить тебе головы.

Я понуро изучал осколки породы под ногами, чувствуя себя нашкодившим щенком, которого хозяин загнал в угол и методично избивает тяжёлой плетью. Хотелось просто сжаться в комок и жалобно заскулить.

Тяжёлая, когтистая лапа Уша бесцеремонно легла мне на плечи и рывком притянула за шею к себе. Я потерял равновесие, оказавшись в плотном, удушающем захвате. Хрипящего меня спутник держал мёртвой хваткой:

— Тебе никогда не одолеть таких, как я — истинных круллхов. А до аш-тенумов ты и подавно просто не дотянешься. Запоминай! Но с шоргами ты совладаешь, это я тебе гарантирую. Это и будет твой потолок. Понял? Будешь послушно резать крестьян. Понял меня?! — последний вопрос он яростно выкрикнул мне прямо в ухо.

Я пытался хотя бы кивнуть, чтобы выразить покорность, но он держал слишком крепко, и из горла вырывался лишь сиплый хрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.